

Какъ Грубешовскіе мѣщане противились введенію уніи.

Грубешовскіе мѣщане XVII вѣка проявили такую ревность въ защитѣ православной вѣры противъ замѣны ея уніей, съ какой рѣдко гдѣ боролись православные. Мы не можемъ, поэтому, не вспомнить этихъ славныхъ защитниковъ „русской“ вѣры въ наше шаткое время, когда потомки этихъ славныхъ защитниковъ родного православія, по дарованіи свободы вѣры, позорно оставили православіе и перешли въ католичество, измѣнивъ не только вѣрѣ, но и національности, надругавшись надъ завѣтами доблестныхъ предковъ, надъ ихъ святыми вѣрованіями, надъ ихъ страданіями, претерпѣнными за православіе.

Необходимость заставляеть насъ для связности и округленности повѣствованія вспомнить вкратцѣ исторію введенія уніи на Руси вообще и въ частности—исторію введенія ея въ Холмщинѣ.

I.

Можно не согласиться съ тѣмъ, что введеніе уніи было задумано и цѣликомъ исполнено однимъ польскимъ правительствомъ; можно найти основательныя данныя въ доказательство того положенія, что уніи добивались сами православные епископы и нѣкоторые знатные міряне, но нельзя ни въ какомъ случаѣ освободить польское правительство отъ обвиненія его въ умышленномъ усиленномъ покровительствѣ первымъ уніатамъ, въ принудительномъ распространеніи уніи среди православныхъ и въ ревностномъ исполненіи имъ предначертаній іезуитскихъ.

Русскій народъ, оказавшійся волею судьбы подъ властью Польши, по своей численности и по занимаемой имъ земельной площади, много превосходилъ, особенно въ соединеніи съ Литвой, народъ польскій. Имѣть подъ собой такого гиганта съ своимъ особымъ законодательствомъ, особымъ языкомъ, своею національностью и религіей, было, дѣйствительно, опасно въ политическомъ отношеніи при отсутствіи прочной внутренней связи между двумя народами. Необходимо было создать эту связь

въ видѣ одной общей религіи и польское правительство не задумываясь приняло къ свѣдѣнію и исполненію планы іезуитовъ относительно введенія уніи, которая, къ тому же, шла навстрѣчу желаніямъ нѣкоторыхъ православныхъ епископовъ, видѣвшихъ въ ней единственный выходъ изъ умышленно созданнаго правительствомъ безправнаго положенія русскихъ архіереевъ,—видѣвшихъ въ ней возможность уврачевать церковные недуги, а также, конечно, и возможность устроить свое личное благополучіе.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ интригъ два православныхъ епископа: Луцкій—Кириллъ Терлецкій и Владимірскій—Ипатій Поцѣй, заручившись согласіемъ (свободнымъ или вынужденнымъ, дѣйствительнымъ или подложнымъ—это другой вопросъ) нѣкоторыхъ другихъ епископовъ, ѣдутъ въ Римъ къ папѣ Клименту VIII съ просьбой о введеніи уніи, т. е. единства Русской Церкви Православной, съ Римской. Папа, конечно, соглашается, при чемъ соглашается даже сохранить восточный богослужебный обрядъ безъ измѣненія, признавъ его равночестнымъ съ римскимъ. На соборѣ, созванномъ польскимъ королемъ въ Брестѣ въ 1596 г., унія торжественно принимается заранѣе согласившимися епископами и въ то же время на соборѣ православныхъ, составившимся изъ присланныхъ восточными патріархами экзарховъ, изъ Львовскаго и Перемышльскаго епископ., оставшихся вѣрными православію, а также—православныхъ мірянъ во главѣ съ извѣстнымъ ревнителемъ православія княземъ Константиномъ Острожскимъ,—осуждается и анаѣматствуется какъ ересь. Но и это осужденіе и протесты православныхъ мірянъ, повсемѣстно поднявшіеся, остались безъ вниманія и уніи, подъ покровительствомъ королевской власти, вводятся съ особенными усиліями, при помощи законодательства и съ поспраніемъ всякихъ законовъ, путемъ насилій и интригъ, между русскимъ населеніемъ, какъ исповѣданіе, должно существовавшее связать два народа, составлявшихъ польское государство, въ одинъ, съ подчиненіемъ русскаго народа—польскому и восточнаго обряда латинскому.

II.

Подписавшимъ унію мы видимъ и Холмскаго доселѣ православнаго епископа—Діонисія Збируйскаго.

Чтобы ясно понять: почему это, изъ за какихъ побуждений православный епископъ Діонисій въ числѣ первыхъ и повидимому охотно подписалъ актъ принятія уніи, тогда какъ его паства еще долго послѣ этого оставалась православною, мы должны нѣсколько подробнѣе коснуться его жизни, тѣмъ болѣе, что обстоятельства принятія уніи Збируйскимъ будутъ служить намъ доказательствомъ того положенія, что унія вводилась въ Холмскомъ краѣ подъ сильнымъ давленіемъ польскаго правительства, и не была религіей, существовавшей здѣсь со временъ Флорентійскаго собора, какъ это утверждали потомъ уніатскіе писатели.

Съ Холмскимъ епископомъ польскія власти особенно не церемонились, какъ съ епископомъ издавна завоеваннаго края; Холмщина не была и краемъ такимъ свободолюбивымъ, какимъ была Украина, заставлявшая Польшу неоднократно вздрагивать отъ своихъ возстаній. Это былъ къ тому времени край уже достаточно забитый, въ сравненіи съ прочими краями, составлявшими тогдашнее королевство Польское, и этимъ можно объяснить многое изъ того, что отличаетъ судьбу Церкви Православной въ Холмщинѣ отъ судьбы церкви въ Руси Литовской и на Украинѣ. Здѣсь поляки чувствовали себя какъ дома и, повторяю, не церемонились.

Діонисій Збируйскій былъ зятемъ бывшаго Холмскаго Епископа Зиновія Ильяшевича, въ епископствѣ—Захаріи. Престарѣлый и слабосильный старецъ Захарія получилъ епархію, конечно, за деньги и изъ политическихъ соображеній, какъ человѣкъ не способный оказывать Польскому правительству въ его намѣреніяхъ активное сопротивление и какъ человѣкъ не способный укрѣпить православіе. Въ помощники и преемники (коадьюторы) себѣ Захарія выпросилъ зятя своего Омнуса Лаговскаго, сразу же не оправдавшаго возлагавшихся на него владыкою надеждъ. Забравши цѣликомъ въ свои руки епископскія имѣнія и доходы, Омнисъ оставилъ тестя безъ всякихъ средствъ содержанія и Захаріи не оставалось ничего другого какъ лишиться своего зятя коадьюторства. Съ великимъ трудомъ, послѣ цѣлаго ряда процессовъ, старику удалось прогнать Омнуса изъ имѣній и уступить, путемъ новаго подкупа короля, епископство сыну Леон-

тію, в послѣдствіи назвавшемуся Пельчицкимъ. Омнисъ долго воевалъ и съ Леонтіемъ, отстаивая свои права на епископство, нападалъ на него, грабилъ и оскорблялъ во все время его епископства въ Холмѣ, пока Леонтій не перешелъ на Пинскую кафедру. Считая себя законнымъ кандидатомъ на Холмскую епископію, Феодоръ Омнисъ, безчестный банникъ, нѣсколько разъ по судебнымъ приговорамъ изгонявшійся ополченіемъ шляхты изъ государства, вступаетъ въ борьбу и съ преемникомъ Леонтія—Діонисіемъ Збируйскимъ, своимъ шуриномъ. Онъ начинаетъ процессъ противъ Діонисія, обвиняя его въ убійствѣ нѣкоего шляхтича Рембовскаго, при чемъ себя старается оставить въ сторонѣ отъ этого процесса, добываетъ себѣ предварительно отъ короля возстановленіе правъ на возвращеніе въ отечество и даже правъ на епархію, отданную тѣмъ же королемъ Діонисію, нападаетъ на Діонисія, какъ ранѣе на Леонтія, подаетъ позы какъ законный кандидатъ на епископію и находитъ себѣ сочувствіе у властей, (за исключеніемъ обвиненія въ убійствѣ, обвиненія цѣликомъ разсчитаннаго лишь на соблазнъ между православными). Такими приставаніями, тянувшимися вплоть до 1596 года, Омнисъ изводитъ владыку, доводитъ его до полного признанія своей неправоты, всей шаткости своего положенія и,—что для насъ очень важно,—совершенно и навсегда умолкаетъ, лишь только Діонисій подписывается подъ актомъ Брестскаго собора о принятіи уніи. Ясно, что Омнисъ могъ выступать и дѣйствительно выступалъ лишь какъ орудіе правительственной политики, добивавшейся подписанія епископами акта о принятіи уніи.

Діонисій Збируйскій, принявъ, какъ мы видимъ, унію подъ давленіемъ, не былъ уніатомъ—фанатикомъ. Епархія при немъ не страдала отъ насилій, какъ равно и при преемникѣ его, епископѣ Арсеніи Андреевскомъ, которому король Сигизмундъ III въ грамотѣ повелѣвалъ „пребывать въ св. уніи и послушаніи верховному вселенскому первосвященнику католической церкви римской, какъ главѣ, согласно постановленію св. Флорентійскаго собора“.

Третьимъ уніатскимъ епископомъ Холмскимъ былъ Аванасій Пакоста. Этотъ уже былъ болѣе завзятымъ уніатомъ. Еще будучи простымъ уніатомъ въ Минскѣ,

онъ, по словамъ еп. Суши, „mirabiliter schismaticos comprescuit“, т. е. удивительнымъ образомъ усмирялъ православныхъ. Онъ мечталъ, ставши епископомъ, обратить въ унию сразу всю епархію. Начавъ съ своихъ имѣній, Пакоста перенесъ дѣятельность на всю епархію, постоянно разъѣзжалъ, устраивалъ соборики. Но, несмотря на весь его пылъ, дѣло униі слабо подвигалось: управляющихъ его имѣній убивали, самаго его не слушались, оказывали ему сопротивление и схизматиковъ въ епархіи было больше, чѣмъ униатовъ. Схизматики не стѣсняясь называютъ Пакосту на сеймѣ воромъ. „Кому не извѣстно, говорилъ знаменитый Древинскій, что Холмскій Владыка есть нѣкій, прозванный Пакоста, виленскаго купца сынъ, который у одного бургомистра виленскаго унесъ сукно, и, если-бы его не спасъ монашескій клобукъ, давно бы онъ пошелъ на висѣльничный крюкъ“. Если Древинскій и ошибался относительно происхожденія Пакосты, то никто не опровергъ обвиненія его въ воровствѣ.

Шесть лѣтъ епископствовалъ Пакоста въ Холмѣ. Имѣется много свидѣтельствъ о его дѣятельности въ пользу униі, а также свидѣтельствъ о томъ, насколько упорно сопротивлялись униі православные въ это время, хотя власти уже сильно наказывали того, кто сопротивлялся епископу. Изрѣдка, впрочемъ, встрѣчаются между властями и люди справедливые, не подчиняющіеся волѣ фанатика епископа. Такъ Красноставскій староста Стефанъ Снопковскій не исполнилъ смертнаго приговора надъ осужденными Люблинскимъ трибуналомъ Красноставскими горожанами, оказавшими сопротивление Пакоствѣ и прогнавшими его изъ города. Гуманный староста не только не исполнилъ приговора суда, но еще выругалъ епископа и его товарищей, домогавшихся экзекуціи.

Въ непродолжительное время епископства въ Холмѣ Мелешко Мелешковича и администраціи митрополита Рутскаго не произошло событій особенно выдающихся. Унию вводятъ разными мѣрами, но эти мѣры блекнутъ передъ вошедшими въ употребленіе при слѣдующемъ Холмскомъ епископѣ—Меводіѣ Терлецкомъ (1630—1649 г.), а потому мы опускаемъ описаніе ихъ и переходимъ къ описанію дѣятельности Терлецкаго, во дни котораго Грубешовскіе мѣщане съ большимъ мужествомъ выступили на защиту своей вѣры.

III.

Терлецкій происходилъ отъ вышедшей изъ Галиціи фамиліи Терлецкихъ, размножившейся на русской почвѣ и давшей въ то время нѣсколько владыкъ, архимандритовъ и знатныхъ чиновниковъ. Образование получилъ въ Вѣнѣ; при чемъ кончилъ университетъ съ степенью доктора философіи. Первые шаги его миссіонерской дѣятельности были направлены на обращеніе въ унию карпато-руссовъ и сербовъ, обитавшихъ въ южной Венгріи. Дѣятельность его тамъ была настолько успѣшной, что когда онъ, по окончаніи богословскаго курса, поѣхалъ въ Римъ, то папа Урбанъ VIII уже не только принялъ его благосклонно, но и торжественно провозгласилъ его миссіонеромъ и апостоломъ Руси, съ особыми преимуществами.

Рукоположенный въ санъ Холмскаго епископа, Меѳодій Терлецкій первый годъ приводитъ внѣ своего кафедральнаго города по случаю свирѣпствовавшей тамъ моровой язвы. Остальные 18 лѣтъ своего святительства онъ уже проводитъ въ Холмѣ, скрывшись изъ него незадолго до своей смерти во время нашествія казаковъ въ 1648 году, такъ какъ не ожидалъ себѣ отъ нихъ за свою дѣятельность пощады.

Высокообразованный и энергичный Терлецкій принесъ униі много пользы своею неутомимою дѣятельностью, но, поскольку эта дѣятельность касалась православныхъ, она является суровой, жестокой и фанатической.

Какъ-бы изъ соревонованія съ недавно замученнымъ своимъ современникомъ—полоцкимъ епископомъ Юсафатомъ Кунцевичемъ, Меѳодій Терлецкій усвоетъ себѣ его тактику въ дѣлѣ распространенія униі (хотя и осужденную многими лучшими поляками, какъ напр. Сапѣгою) и гордится тѣмъ, что его православные не разъ хотѣли убить. Кроткій, по опредѣленію польскаго историка, епископъ, всю свою жизнь не ѣвшій мяса, оказывается по характеру своему далеко не кроткимъ и не незлобивымъ. Отбирая отъ православныхъ церкви, Терлецкій лично участвуетъ въ дракахъ, ломаетъ замки, дерется архіерейскимъ посохомъ. Его неоднократно изгоняютъ изъ городовъ съ проклятіями, оскорбляютъ, поносятъ, а онъ переноситъ все это съ видомъ мученика, не страшась ни про-

клятій, ни оскорбленій, оскорбляя въ свою очередь въ еще большей степени своего противника, не признавая надъ собой никакихъ законовъ, ни королевской власти, осудившей его, столь преданнаго дѣлу уніи, въ 1645 г. къ безчестію и изгнанію изъ отечества. Актковыя книги его времени переполнены его дѣлами или жалобами на него со стороны потерпѣвшихъ. Терлецкій не призналъ возстановленной королемъ Владиславомъ IV православной іерархіи. Православнаго митрополита Петра Могилу, при встрѣчѣ съ нимъ въ Холмѣ доврчиво подавшего ему для привѣтствія руку, онъ обругалъ волкомъ, залѣзшимъ въ его овчарню. Всѣхъ православныхъ, какъ священниковъ, такъ и мірянъ, Терлецкій сажалъ въ тюрьмы, присуждалъ къ смертной казни, давая помилованіе лишь тѣмъ, кто присягалъ ему въ безусловномъ повиновеніи и принималъ унію. Не будь тогда королемъ Владиславъ и не выступи тогда на сцену казаки, Меѳодій Т. несомнѣнно и этимъ не ограничился-бы. Онъ былъ апостоломъ уніи и изъ за нея онъ не постѣснялся бы создать въ своей епархіи времена Нерона и Діоклитіана.

Но и сдѣланнаго имъ слишкомъ достаточно для того, чтобы печальная его память не изгладилась со страницъ мѣстной церковной исторіи. Трудно было въ дни Терлецкаго православнымъ устоять въ своей вѣрѣ, какъ бы они дружно не объединялись для борьбы. Эта трудность янѣ всего будетъ видна изъ описанія дѣла епископа Терлецкаго съ Грубешовскими мѣщанами, къ которому мы переходимъ.

IV.

Грубешовъ, древне-русскій городъ, представлялъ собой въ началѣ XVII столѣтія кое-что болѣе значительное, чѣмъ то, что онъ представляетъ собой въ наше время. Это былъ городъ, лежавшій на главной транзитной дорогѣ между Львовомъ и Краковомъ, Познанью и Литвой, городъ, получавшій въ свою пользу со всѣхъ перевозимыхъ черезъ него товаровъ пошлину. Часто опустошаемый татарами и пожарами, Грубешовъ скоро оправлялся и привлекалъ къ себѣ множество ремесленниковъ и купцовъ. Съ точки зрѣнія религіозной Грубешовъ также яв-

лялся значительнымъ центромъ, такъ какъ имѣлъ въ своихъ стѣнахъ нѣсколько благоустроенныхъ церквей, построенныхъ въ теченіи ранняго періода русской исторіи. Николаевская церковь вмѣщала въ себѣ, какъ и нынѣ вмѣщаетъ, древнюю икону Святителя Николая, глубоко чтимую окрестнымъ населеніемъ, икону предъ которой, по словамъ лѣтописца, благоговѣнно склонялъ свои колѣна доблестный князь Даниилъ Галицкій. Объединенные въ цехи ремесленники, главный контингентъ прихожанъ, объединялись для дѣлъ благочестія въ братство, являя собою сплоченное для борьбы за вѣру общество. Окрестное населеніе, при посѣщеніи по торговымъ нуждамъ Грубешова, посѣщало какъ и нынѣ посѣщаетъ Грубешовскіе храмы, поклоняясь мѣстной святынѣ и въ Грубешовскихъ церковныхъ порядкахъ видѣло для себя образецъ, которому старалось по мѣрѣ силъ своихъ подражать.

Уніаты сознавали вліяніе такихъ центровъ православія какъ Грубешовъ на окрестности и мы видимъ ихъ попытки привить унію прежде всего этимъ центрамъ. Митрополитъ Ипатій Поцѣй, по словамъ Петра Могилы, счелъ необходимымъ отслужить въ Николаевской церкви г. Грубешова вмѣстѣ съ Луцкимъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ и Холмскимъ Діонисіемъ Збируйскимъ торжественную службу. Господу угодно было тогда разстроить замыслы митрополита: по словамъ того же Петра Могилы во время литургіи вино въ чашѣ превратилось въ воду, а когда это чудо приписали ошибкѣ совершавшаго проскомидію священника и влили опять вино—потиръ раскололся на части, а содержимое вылилось, какъ бы въ доказательство нечестія служившихъ литургію отступниковъ-Архіереевъ. Участвовавшій въ богослуженіи Грубешовскій протопопъ Симеонъ Чайка, пораженный происшедшимъ, обратился къ народу съ смѣлою рѣчью, объявилъ о случившемся, называлъ при этомъ епископовъ отступниками и еретиками и убѣждалъ народъ не повиноваться еретикамъ. Въ церкви поднялся шумъ и великое смятеніе, и епископы, не окончивъ службы, разошлись.

(Продолженіе слѣдуетъ).

II.

Какъ Грубешовскіе мѣщане противились введенію униі.

(Окончаніе).

Само собою понятно, что не могъ оставить Грубешова въ покоѣ и Терлецкій, знавшій насколько Грубешовцы „dispositi juz byli do schismy“. Поводъ къ вмѣшательству скоро представился.

Королевскіе комиссары, согласно декрету 1633 г., объ отдачѣ православнымъ нѣкоторыхъ Церквей въ коронѣ и Литвѣ, должны были передать православнымъ въ Грубешовѣ двѣ церкви: Св. креста и Николаевскую. Терлецкій, считавшій постановленіе короля незаконнымъ на томъ основаніи, что оно издано безъ сношеній съ Римомъ, рѣшилъ стараться всѣми мѣрами не допустить этой передачи. Комиссарами были назначены: Станиславъ Зборовскій—староста Городельскій, Лука Мясковскій—подстолій Подольскій, Янъ Станишевскій, ключникъ Луцкій (шамбелянъ), князь Григорій Четвертинскій, Андрей Загоровскій и Василій Рогозинскій. Въ мартѣ 1635 г. комиссарамъ король вновь напоминалъ, чтобы они... *numerum cerkwie u ludzi w uniey u nie w uniey będących fideliter uważywşy, cerkwie między unity i nieunity naznaczyli u skutecznie rozdali, absentia unius non abstante*“...

Передать церкви въ Грубешовѣ должны были не всѣ комиссары, а три изъ нихъ, Зборовскій, Станишевскій и кн. Четвертинскій. Срокомъ передачи было назначено 12 ноября 1635 года, но передача тогда не состоялась. Терлецкій хвастался, что онъ своей поѣздкой разогналъ волчье стадо и не допустилъ состояться передачу. Но комиссары не надолго отложили передачу: начавъ съ 12 декабря они передали православнымъ церкви въ Люблинѣ, Соколѣ и Бельзѣ и на обратномъ пути, неожиданно для Терлецкаго, уже вначалѣ 1636 года, прибыли въ Грубешовъ и передали церкви, взявъ, по словамъ Терлецкаго, ни на чемъ неоснованнымъ, отъ православныхъ взятку въ 3000 злотыхъ. Узнавъ о состоявшейся передачѣ, Терлецкій не задумываясь приказалъ опечатать Грубешовскія церкви своею печатію.

Уніатскимъ свящ. въ Грубешовѣ былъ Василій Гочъ или Гоцевичъ, священникъ Успенской церкви, основанной въ 1630 году мѣщаниномъ Грубешовскимъ Софрономъ Козулею съ разрѣшенія короля подь условіемъ, что церковь эта навсегда будетъ оставаться въ уніи. Священникъ Гочъ исполнилъ повелѣніе епископа и къ Пасхѣ 1636 г. обѣ церкви, переданныя королевскими комиссарами православнымъ, были запечатаны властью епископа, очевидно, въ той надеждѣ, что въ виду столь важнаго праздника, Грубешовцы не захотятъ оставаться безъ богослуженія и перейдутъ въ унію, или же, наоборотъ, окажутъ сопротивленіе, которое повлечетъ за собой обвиненіе, а тамъ и прощеніе подь условіемъ принятія уніи. Разсчеты оказались вѣрными. Грубешовцы были слишкомъ упорные противники уніи, чтобы перейти въ нее такъ сразу. Съ другой стороны, они имѣли не разъ случай оказать уніатамъ сопротивленіе и это имъ легко какъ-то сходило. Послѣдній такой случай былъ въ 1634 г., когда они въ лицѣ Романа Стабневича и Гаврила Конюшика, криками и пѣніемъ воспрепятствовали 6 декабря, въ свой храмовой праздникъ, Хотецкому (очевидно „Хотешовскому изъ подь г. Владимира, б. лож. митрополичьему посланцу) священнику Григорію Гоцевичу, ревностному и извѣстному уніату, произносить проповѣдь. Послѣ этого случая, оставшагося безнаказаннымъ, прошло уже два года, полныхъ важными для православныхъ событіями. Дошло уже и въ среду простого народа извѣстіе о томъ, что король Владиславъ IV далеко не такой врагъ православныхъ, какимъ былъ Сигизмундъ III, что король этотъ расположенъ къ казакамъ и при восшествіи на престолъ вернулъ православной церкви ея права. Въ народъ уже проникли сказанія о подвигахъ казачества, ополчившагося противъ поляковъ на защиту вѣры, о подвигахъ Наливайки, Тараса и др. героевъ. Въ воздухѣ носилось какъ-бы вѣянье свободы, народу блеснулъ лучъ надежды на справедливость и это окрылило устававшихъ борцовъ.

Передача комиссарами церквей, эта официальная поддержка со стороны королевскихъ чиновниковъ, окончательно убѣдила Грубешовцевъ въ томъ, что слухи про короля справедливы, что король дѣйствительно на сторонѣ православныхъ. Горodelьскій староста Зборовскій,

одинъ изъ старшихъ комиссаровъ, самый близкій къ Грубешову по мѣсту жительства, заслужилъ сильный гнѣвъ Терлецкаго тѣмъ, что, во время своихъ поѣздокъ въ Грубешовъ, входилъ въ общеніе съ православными, подтверждалъ дошедшія до народа слухи о милости короля къ русскому народу. Грубешовцы изо всего заключили, что въ случаѣ если-бы имъ пришлось столкнуться съ епископомъ, король былъ бы на ихъ сторонѣ. Послѣ этого могли ли они долго задумываться надъ предстоявшей имъ альтернативой: итти добровольно въ унію, или оказать епископу сопротивленіе и б. м. побѣдить...

Они рѣшили оказать епископу сопротивленіе.

V.

Началось дѣло такъ. На дверяхъ церкви Успенія Божіей Матери Василій Гочъ вывѣсилъ „юбилейный отпущъ“ папы Урбана VIII. Очень возможно, что это была данная Урбаномъ VIII 6 мая 1634 г. индульгенція объ отпущеніи грѣховъ всѣмъ уніатамъ и римско-католикамъ, которые бы захотѣли совершить въ одномъ изъ базилианскихъ монастырей сорока-часовую молитву объ „искорененіи схизмы“.

Ночью съ пятницы на субботу передъ вербнымъ воскресеньемъ православные Грубешовцы эту индульгенцію сорвали, приложенную къ ней печать Терлецкаго разломали, а прочее что осталось выпачкали навозомъ и грязью.

Въ субботу Василій Гочъ явился въ городской судъ и предъ лицомъ Альберта Брашовца, присяжнаго вице-адвоката, славетныхъ лавниковъ: Якова Бусковія, Лаврентія золотыхъ дѣлъ мастера и Адама Лахочки, бургомистра Андрея Калинскаго и райцы Стефана Русинскаго и „заливаясь слезами, просилъ занести въ книги жалобу на мѣщанъ Грубешовскихъ, учинившихъ скандалъ съ индульгенціей. Виновными оказались: Левъ Храшко, Сергѣй Пятко-совѣтники, Стефанъ Демковичъ и Гавріиль Конющикъ (извѣстный по дѣлу 1634 г.)—лавники, а также слѣдующіе мѣщане: Максимъ Краско, Тимошей Пикуля, портной Николай Назаровичъ, сапожникъ Назаръ, Іосифъ Денькъ, Лесько Стабневичъ, Стефанъ Красько, Констан-

тинъ Марковичъ, Оеодоръ Метелица, Романъ Стабневичъ (тоже извѣстный по дѣлу 1634 г.), Клишко Кушниръ, Иванъ Рымарчукъ, Корнилій Васковичъ, Оеодоръ Нерода, Стефанъ Олесковичъ, Кондрать Чотербоковичъ, Василій Романовичъ и Василій Ракъ.

Въ жалобѣ Гочъ назвалъ ихъ „выродками блаженнѣй памяти отцовъ своихъ, которые до послѣднихъ дней жизни твердо пребывая и въ уніи съ римской церковью въ Бозѣ почилѣ“. Обвинялись перечисленные мѣщане въ томъ, что „презрѣвъ страхъ Божій, неизвѣстно подъ вліяніемъ какого злого духа, они составили заговоръ со многими другими изъ народа (имена коихъ имъ лучше извѣстны) и поднявъ большое волненіе противъ святой уніи и противъ него, священника Гоча, непоколебимѣйшаго уніата, состоящаго при церкви Успенія Божіей Матери, основанной уніатами и ради уніатовъ надѣленной привилегіями, ночью на субботу передъ Вербными воскресеніямъ съ злочестивой дерзостью распорядились... индульгенцію святѣйшаго папы... порвать и порвали, а остальное вымарали навозомъ, выразивъ этимъ презрѣніе къ католической церкви и неуваженіе къ святѣйшему папѣ“. При этомъ Гочъ ссылался на свидѣтелей: Якова Бускевича, Адама Лахочку и Андрея Калинскаго, посѣтившихъ мѣсто происшествія утромъ и осматривавшихъ его.

Ограничиться одной этой демонстраціей православные, конечно, не могли, и вотъ въ великую субботу они снова гурьбою собираются для того уже, чтобы выступить болѣе рѣшительно. Остаться безъ Богослуженія въ дни св. Пасхи имъ казалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что между ними объявился и совершитель—іеромонахъ Мартинъ, человекъ вполне православный и достаточно смѣлый для того, чтобы не бояться уніатовъ. Недоставало лишь храма, но это православнымъ уже легко было уладить. Они срываютъ съ дверей Крестовоздвиженской церкви и церкви св. Николая печати Терлецкаго и овладѣваютъ своими родными святынями. Для очищенія отъ уніатской скверны, они моютъ стѣны и полъ храма св. Николая и вводятъ туда чернеца Мартина, устройвъ ему торжественную встрѣчу съ колокольнымъ звономъ. Службу, конечно, служили послѣ этого во всѣ праздничные дни и въ слѣдующія воскресные.

Василій Гочъ въ четвергъ послѣ недѣли о Самарянинѣ явился опять въ судъ и занесъ новую жалобу. Прошло между происшествіемъ и жалобой около четырехъ недѣль, въ теченіи которыхъ не могло не произойти опять чего либо между православными и уніатами, хотя объ этомъ мы не имѣемъ точнаго свидѣтельства, кромѣ все той же записи въ городскихъ книгахъ. Гочъ упоминаетъ въ своей жалобѣ о двухъ случаяхъ срыванія печатей: первомъ—передъ пасхальнымъ и о второмъ—„въ прошлую субботу“. Очевидно, Гочъ запечатывалъ церкви послѣ Пасхи вторично, желая вызвать новые факты для обвиненія православныхъ и въ ожиданіи ихъ—не заносилъ жалобы. Но новыхъ фактовъ, кромѣ вторичнаго срыванія печатей, не прибавилось, православные вели себя вполне чинно, и онъ занесъ жалобу въ книги, перевирая въ ней за отсутствіемъ новыхъ фактовъ—старые, ранѣе совершившіеся. Обвиняются православные въ томъ, что они, упорно противясь Богу и служителямъ его—уніатскимъ священникамъ, „кои взыскивають все полезныя средства, какъ-бы правымъ путемъ вернуть ихъ обратно въ овчарню Христову, въ которой они некогда находились“, дерзнули сорвать „должностныя печати епископа съ двухъ русскихъ церквей, насильно ворвались туда, ввели съ торжественностью обманщика монаха Мартина, злочестиваго и закоренѣлаго схизматика, злѣйшаго и непримиримѣйшаго врага св. уніи, святѣйшаго первосвященника и всей церкви римской, съ неслыханными проклятіями противъ св. уніи.. соскоблили въ упомянутыхъ церквахъ землю, образовавшуюся отъ праха благочестивыхъ уніатовъ и выбросилъ ее вонъ въ грязь; паперть, двери и стѣны въ этихъ церквахъ обмыли и все, что только кому изъ нихъ подсказывало нечестіе и диаволь измышляли и совершали; освященные уніатскимъ епископомъ антимины загрязнены и осквернены нечестивыми руками зачинщиковъ“. Вотъ имена обвиняемыхъ: Климокъ шубникъ, Николай Назаръ, Гриць Мошонка, Николай Совка, Яцко Рымарчукъ, Кондрать Ратко, Гриць Неѣло, Яцко Сухій, Феодоръ Деркачъ, Аѳанасій Фигумокъ, Стецько Нѣмчикъ, Стецько Беднаръ Феодоръ Сирота, Андрей Сѣркунъ, Савва Поповичъ, Герасимъ Денишукъ, Федько Савка, Трафимъ Гелета, Иванъ

Гелета, Иванъ Костюковичъ, Охримъ Сапожникъ, Гаврило Костюковичъ, Марко Сексюнъ, Мисько (Михайлъ) Грицовичъ, Алексѣй Вавриневичъ. Изъ обвиняемыхъ Николай Назаръ участвовалъ и въ оскверненіи индульгенціи.

VI.

Но жалобы Гоча, записанныя въ Грубешовскія книги, не произвели должнаго дѣйствія. Тогда на помощь священнику выступилъ епископъ. Онъ пожаловался королю на комиссаровъ, обвинилъ ихъ въ неисправномъ выполненіи ими порученнаго имъ дѣла. Послѣдствіемъ жалобы было то, что 8 мая 1636 г. король высказалъ свое неудовольствіе комиссарамъ, упрекая ихъ за передачу православнымъ такихъ церквей, на которыя заявляли свои притязанія уніаты, напр. въ Грубешовѣ. Король повелѣлъ комиссарамъ поѣхать туда вторично, извѣстивъ напередъ жителей о времени своего прибытія. Такой порядокъ (увѣдомленіе о прибытіи) долженъ впредь примѣняться при передачѣ церквей всегда. Комиссарамъ внушается, что они впредь должны передавать православнымъ церкви худшія (sknarliwy). ¹⁾ Терлецкій могъ уже не бояться неожиданностей, но ему этого было мало: снѣ добивается наказанія Грубешовцамъ. Черезъ два года Грубешовское дѣло имъ, дѣйствительно, поднимается въ высшихъ инстанціяхъ.

11 августа 1638 г. Терлецкій обвиняетъ Грубешовскаго бургомистра и ратмановъ въ сочувствіи мѣщанамъ и непроизводствѣ суда надъ ними. 20 августа Люблинскимъ трибуналомъ выданъ и 22 ноября предъявленъ суду для записи декретъ противъ членовъ Грубешовской городской управы по поводу несовершенія ими казни надъ осужденными грубешовскими мѣщанами. За неисполненіе казни надъ обвиняемыми епископъ Терлецкій требуетъ уплаты членами управы 5000 гривенъ.

Изъ декрета видно, что трибуналомъ были разобраны не только приведенныя нами жалобы, но и жалобы, записанныя, очевидно, Терлецкимъ въ другія городскія книги. Видно это изъ того, что между обвиняемыми три-

¹⁾ Опис. Арх. Уніат. Митроп. № 667.

буналомъ попадаются фамиліи, коихъ не было въ двухъ упомянутыхъ жалобахъ, а также приводятся новыя подробности происшествія. Оторвавшими печати названы: Мацько, Крашко и Шевчикъ. Сапожникъ Охримъ обвиняется въ томъ, что бросилъ Св. Дары на землю, за что и присужденъ трибуналомъ къ сожженію. Гржесѣта, котораго мы не встрѣчали въ приведенныхъ жалобахъ, приговоренъ къ отсѣченію головы. Метелица, Пикуля, Трохимъ Гелета, Ракъ, Клишъ и Сенько Олешковичъ должны были выкупить свои головы каждый за 100 гривенъ, а прочіе— внести въ судъ въ продолженіе недѣли по 50 гривенъ. Церкви судъ приговорилъ возвратитъ Терлецкому по первому его требованію уже безъ комиссаровъ, а въ присутствіи вознаго и двухъ шляхтичей.

Само собой понятно, что мѣщане не могли выкупить свои головы и внести штрафы. Не имѣли они и настолько мужества, чтобы принять мученическую смерть.

Къ 19 октября сапожникъ Охримъ, присужденный къ сожженію, уже нашель исходъ: онъ заявилъ, что принимаетъ унію и епископъ донесъ суду о томъ, что означеннаго сапожника „онъ освобождаетъ отъ казни“.

За Охримомъ потянулись и другіе обвиненные, принявъ ту самую ненавистную имъ унію, противъ которой два года тому назадъ такъ мужественно выступали.

Но Терлецкій не удовольствовался однимъ заявленіемъ мѣщанъ о принятіи уніи. Онъ придумалъ нѣчто новое для уничтоженія схизматиковъ и для всегдашней памяти о томъ, что сила въ Польшѣ была выше права и справедливости. Принятіе въ унію покаявшихся Грубешовцевъ Терлецкій распорядился совершить по особому унизи- тельному для нихъ чину. Вотъ какъ описываетъ эту церемонію епископъ Суша. Освобожденные (въ числѣ болѣе 50 чел.) отъ кары по суду Грубешовцы съ женами и дѣтьми должны были собраться въ городской ратушѣ одѣтыми въ праздничные наряды. Отсюда они, прикрытые сверхъ праздничной одежды лохмотьями, со свѣчами въ рукахъ, попарно должны были пройти весь городъ до самой церкви. Передъ входомъ они должны были преклонить колѣна и на вопросъ архипресвитера: кто они, откуда пришли и чего хотятъ,—они должны были сказать, что они заблудшія овцы, но пришли, раскаявшись, къ своему

пастырю просить разрѣшенія ихъ отъ схизмы и принятія въ унию. Послѣ разрѣшительной молитвы они сбросили лохмотья и были допущены въ униатскую церковь, какъ ея дѣти.

Такъ печально закончилась попытка Грубешовцевъ оказать противодѣйствіе навязываемой имъ чужой вѣрѣ. Не станемъ упрекать ихъ въ томъ, что они не имѣли достаточно мужества для того, чтобы умереть за свою вѣру мученическою смертію. Мы въ послѣдніе годы видимъ потомковъ ихъ, носящихъ ихъ фамиліи, измѣнившими не только вѣрѣ своей, но и народности, измѣнившими не по принужденію, не изъ страха смертнаго, а изъ позорнаго желанія оставить вѣру,—по ихъ непонятному убѣжденію,—„хлопскую“, а принять вѣру „панскую“, господскую. Не намъ судить нашихъ доблестныхъ, въ сравненіи съ нами, предковъ. Нашъ долгъ почитать въ это шаткое время память этихъ доблестныхъ борцовъ, сложившихъ оружіе лишь тогда, когда уже не было никакой возможности удержать за собой позицію.

Вѣчная память славнымъ борцамъ минувшаго и немываемый стыдъ и позоръ измѣнникамъ нашего времени¹⁾.

Священникъ *Петръ Антоновичъ*.

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка мы пользовались слѣдующими изданиями и статьями:

- 1) „Холмско-Варшавскій Вѣстникъ“ 1881 г., „Начало униі въ Х. Епархіи“.
- 2) В. М. Плацанскій. Прошлое Холмской Руси. 2.
- 3) Проф. И. И. Малышевскій. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.
- 4) Описаніе документовъ архива зап. рус. униатскихъ митрополитовъ.
- 5) Архивъ Ю. З. Россіи Ч. I т. VI. Акты о церк. религ. отношеніяхъ въ ю. зап. Россіи.
- 6) Н. И. Костомаровъ. Т. IX—XI-й. Богданъ Хмельницкій.
- 7) Гарасевичъ М. Annales ecclesiae ruthenae. Львовъ 1862 г.

А также и многими другими, напр. Холм. Нар. Кал. 1909 г.

Текстъ двухъ жалобъ, записанныхъ Терл. въ Груб. книги любезно сообщенъ намъ о Наст. Никол. Церкви гор. Грубешова св. Орестомъ Мильковымъ въ его переводѣ.